

Павел Белков

Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства

В последнее время стали появляться работы, в которых предлагается отойти от явно устаревшей практики «сосуществования» фольклорных и этнографических исследований (в узком смысле «исследований по социальной организации») к описанию элементов традиционной культуры, относящихся к этим двум вроде бы разным ведомствам, в едином ключе с точки зрения общности предмета исследования [Байбурин 2003: 16–17; Белков 2003: 22–25]. В этом плане было бы естественно начать с наиболее изолированной области исследований, которую в настоящее время, без сомнения, представляют классификационные системы родства. Помимо прочего это имеет отношение к тезису о не вполне очевидном характере первичности «этнографии» по отношению к «фольклору». Впервые идеи данного ряда высказывались в рамках проблемы «истоков фольклорных сюжетов и образов» [Байбурин, Левинтон 1984]. В частности, анализ австралийских материалов показывает, что классификационные системы родства в отдельных аспектах

Павел Людвигович Белков

Музей антропологии
и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
Pavel.Belkov@kunstkamera.ru

действительно более логично считать «отражением» всего комплекса мифологических представлений и ритуальных практик, а не наоборот. Отсюда возникает необходимость в понятии мифологического, или тотемического родства [Белков 2000а; Белков 2000б; Белков 2004].

На этом фоне использование в исследованиях систем родства терминов, взятых из лексикона фольклористов («стержень», «табуляция», «мотив»), нам кажется уже вполне уместным. Заранее можно предположить, что классификационное родство представляет собой особого рода игру с недифференцированными правилами. Разыгрывая отдельные партии (ср. употребление слова «партия» в значении ‘установление партнерства по браку’), люди видоизменяют и совершенствуют системы родства в зависимости от наличия/отсутствия рекомендованных данной традицией брачных партнеров. Принципы этой игры обнаруживают сходство с целым рядом известных игр европейского и восточного происхождения: шахматы, карты, шашки, домино etc. с их «фигурами», «мастями», «полями», «ходами», «партиями». Вполне уместно предположить, что игры, строящиеся на обмене ходами, возникают именно в результате дифференциации правил *игры в родство*. С этой точки зрения можно позволить себе слегка подправить одно из высказываний К. Леви-Строса: системы родства состоят не в фиксации объективных родственных связей и развиваются они произвольно, в сознании людей, а не спонтанно, как нечто существующее независимо от них, подобно природным или, что в данном случае одно и то же, лингвистическим явлениям [Леви-Строс 1983: 51]. Трансформация классификационных систем родства — это как раз тот случай, когда структура осознается агентом социального действия, поскольку классификационное родство отражает локальную организацию общества.

Научное исследование систем родства первичной формации начинается с открытия Л.Г. Моргана, установившего, что в отличие от систем родства вторичной формации первобытные системы носят не индивидуальный, а групповой, или классификационный характер. Вторичные системы Л.Г. Морган объединил в один арийский (европейский) тип, а классификационные разделил на два самостоятельных типа — малайский и турано-ганованский, основываясь на принципах слияния/разграничения линий родства, выражающихся в различии в терминологии родства. Например, в малайской системе первое восходящее поколение представлено одним мужским термином, объединяющим отца, брата отца и брата матери, тогда как в турано-ганованской это поколение представлено двумя терминами: отец сливается с братом отца, но отграничивается от брата матери. Так было положено начало эволюционному

подходу к изучению систем родства, в рамках которого малайская система рассматривается как наиболее древняя, исходная. Впоследствии было предпринято несколько попыток усовершенствовать моргановскую схему за счет увеличения количества типов и/или пересмотра последовательности их возникновения. В этом плане наиболее репрезентативной кажется типология М.В. Крюкова, в известной степени синтезирующая собой результаты, полученные западными предшественниками.

Согласно выкладкам М.В. Крюкова, древнейшей является не гавайская (по-старому, малайская), а ирокезская, или австралийская (турано-ганованская) система, из которой развиваются две особые системы — гавайская и арабская (напомним, что Л.Г. Морган относил арабскую систему к числу арийских), чтобы затем обе ветви сошлись между собой в виде английской (арийской) системы родства [Крюков 1972: 39, 64]. Следуя западной традиции, он также выделил несколько подтипов, сочетающих в себе попарно черты четырех основных систем [Там же: 64]. Обозначения упомянутых типов систем родства с помощью этнонимов соответствуют специальные термины, указывающие на отдельные признаки: бифуркативно-слившийся (ирокезский), генерационный (гавайский), бифуркативно-коллатеральный (арабский), линейный (английский) [Крюков 1995: 135]. Предлагаются и другие варианты обозначения основных единиц генеалогической (исторической) типологии систем родства, но в виду того, что выбор признаков, считающихся теми или иными авторами существенными, имеет случайный характер, сопоставлять между собой различные типологии или ориентироваться в них становится просто непосильной задачей для читателя, не являющегося членом этого круга исследователей.

Поправки, внесенные в эволюционную схему Л.Г. Моргана, скорее отдаляют нас от реальности, чем приближают к ней. К тому же исследователи, занимающиеся системами родства, уже давно отказались от эволюционного подхода, предпочитая говорить не об эволюции систем родства, а о «трансформации СТР». Классификация Л.Г. Моргана построена на дихотомии первичной и вторичной формации (в этом состоит идея эволюционизма в своей исходной форме), в то время как современные ученые, считающие себя его последователями, отрицают принципиальность этого разделения, обнаруживая, реально или нет, линейные терминологии родства у многих групп охотников и собирателей (бушменов, андаманцев, семангов, эскимосов) [Дзибель 2001: 231]. Причина такого противоречия кроется в самом эволюционном подходе. Его главный недостаток заключается именно в том, что анализ ограничивается системами терминов родства. С этой точки зрения, стоит обратить

внимание на весьма поучительный факт «семантического сдвига», который произошел со времен Л.Г. Моргана. Типология М.В. Крюкова, принимаемая в нашей науке в качестве эталона, трактуется как типология *систем терминов родства* [Попов 1990: 148]. Между тем вклад Л.Г. Моргана всегда рассматривался в качестве отправной точки изучения *систем родства* [Крюков 1972: 27].

Для «алгебры родства» такая «болезнь языка» означает предельную схоластизацию исследований, когда результатом выступают корреляции явлений, корреляции корреляций явлений и т.п. Утверждение, что исследование должно строиться от систем терминов родства к системам родства [Попов 1990: 148], порочно по своей природе. Как возможно понять целое, исходя из принципов работы одной из его частей, и как возможно знать принципы работы этой части, т.е. *знать, что мы знаем* эти принципы, совершенно не понимая, как работает целое? Как известно, прежде чем приниматься за частные задачи, необходимо решить общую задачу.

Безусловно, монография Г.В. Дзибеля «Феномен родства» (2001) по своей сверхзадаче объять всю существующую на тот момент литературу по формальному описанию систем терминов родства («текстов» родства) является вершиной подобных исследований в рамках «алгебры родства» как научной парадигмы. Основополагающих идей здесь две. Во-первых, если мы ограничиваем себя изучением терминологий родства, необходимо использовать чисто лингвистические методы (родство как особый язык). Сам термин «трансформация», заменивший термин «эволюция», заимствуется из структуральной лингвистики [Дзибель 2001: 29]. Во-вторых, если мы фактически отказываемся от эволюционного подхода, структурный поход становится актуальным сам по себе, по правилу исключенного третьего. В данном случае выражением этого подхода является создание иденологической типологии систем терминов родства, противопоставляемой общепринятой генеалогической. Под иденологической типологией («иденоним» в значении «термин родства») понимается выделение синхронических типологических единиц, или основных мотивов, классификационного родства: взаимная терминология, генерационно-скошенная терминология (модели кроу и омаха), генерационно-скользящая терминология, кумулятивная терминология, редупликативная и рекомбинативная терминологии [Дзибель 2001: 42–63, 173–222]. Однако на практике понятие структурного подхода отождествляется автором с собственно лингвистическим анализом, что неудивительно, поскольку для него объектом исследования так и остается терминология родства. Иденологическая типология — это лингвистическая

типология родства, так же как и противопоставляемая ей генеалогическая. Когда Г.В. Дзибель говорит о согласовании идеологической и генеалогической типологий, он на самом деле согласовывает два способа записи одной и той же типологии: с помощью терминов, образованных от этнонимов, и с помощью терминов, обозначающих различные формы слияния/разграничения альтеров. В результате возникает некий новый, может быть несколько улучшенный вариант терминологической системы, принципиально ничем не отличающийся от уже существующих.

На этом фоне более перспективно выглядит идея взятия систем терминов родства вместе с социальной организацией в широком смысле слова, включая сюда формы брака, а также формы клановой и локальной организации (Дж. Мёрдок «Социальная структура», 1949). Связывая системы терминов родства с формами социальной организации, мы делаем объектом исследования именно системы родства. Но как это сделать не только декларативным образом? Ответ заключается в графически правильном изображении системы родства, в данном случае классификационной. Иначе говоря, чтобы связь между терминами родства и элементами социальной организации была видна на соответствующей диаграмме.

В австраловедческой литературе опыт создания таких графических систем, сочетающих в себе элементы графического и словесного (буквенного) описания, существует со времен А.Р. Рэдклифф-Брауна, который, пользуясь этим кодом, нашел в Австралии всего две системы родства, тип карьера и тип аранда, по названиям «племен». Первая определяется предпочтительным браком с кросскузиной первой степени («дочерью брата матери») при существовании обычая обмена сестрами («дочь брата матери» совпадает с «дочерью сестры отца»), а вторая — предпочтительным браком с кросскузиной второй степени («дочерью дочери брата матери матери») при запрете на брак с кросскузиной первой степени [Radcliffe-Brown 1913]. Позднее А.П. Элькин выделил, точнее, нашел третий тип — карадьери. Здесь для мужчины предпочтительным брачным партнером является кросскузина первой степени со стороны матери («дочь брата матери») при запрете на брак с кросскузиной со стороны отца («дочерью сестры отца»). Им были выделены еще два типа, алуриды и унгариньин, но эти типы являются лишь модификациями типа аранда [Elkin 1956: 58–79].

Не делая поспешного вывода о том, что тип карадьери является промежуточным звеном между типом карьера и типом аранда, можно легко увидеть в этих трех системах трансформации единой системы, основанные на изменении формы предпочти-

тельного брака. Однако также можно заметить, что графические схемы, созданные по методу А.Р. Рэдклифф-Брауна, не являются вполне изоморфными друг другу, что противоречит факту взаимной трансформации отображаемых ими систем родства (рис. 1, 2, 3).

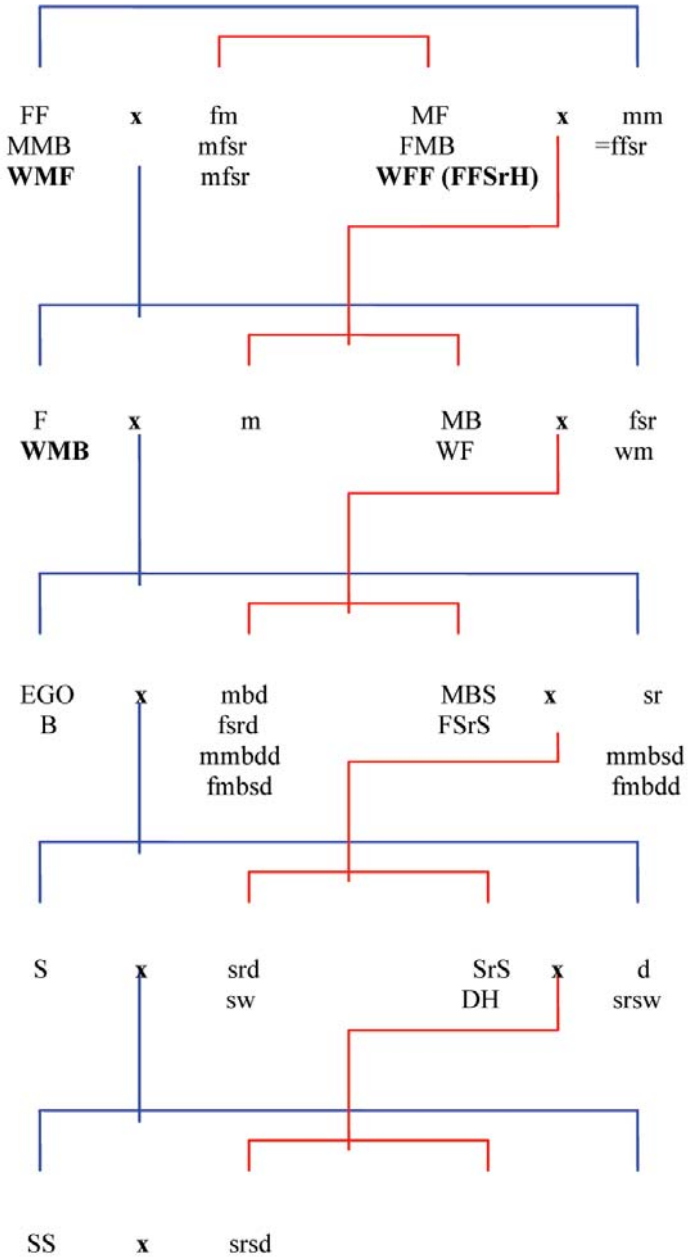

Рис. 1. Система родства типа карьера

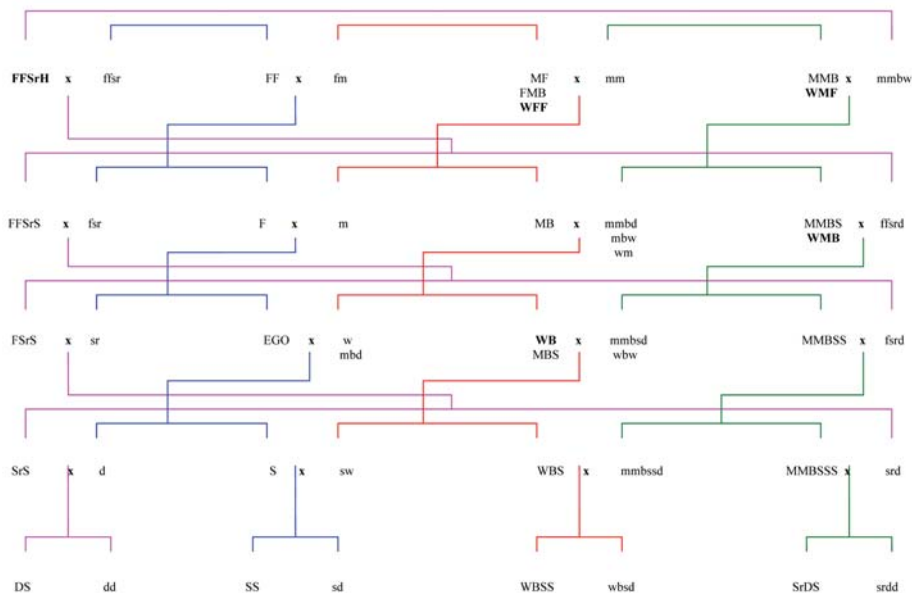

Рис. 2. Система родства типа карадбери

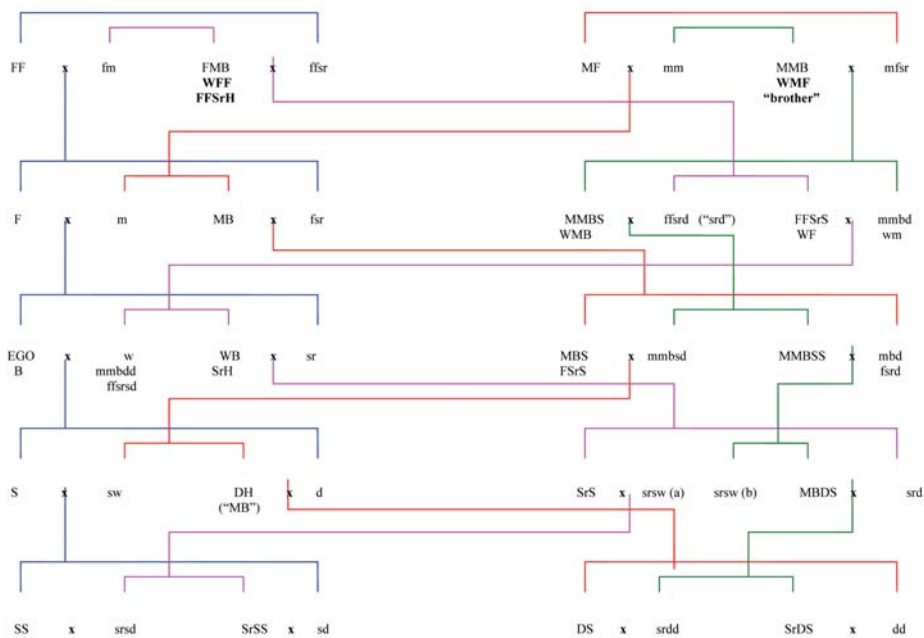

Рис. 3. Система родства типа аранда

Возникает вопрос: является ли вообще разумной задача создания такого способа графической фиксации, при котором все три системы складывались бы из некоторого множества одинаковых элементов как своего рода «кирпичиков»? На практике это означает возможность выстроить диаграммы систем родства карадьери и аранда простым перестроением диаграммы системы кариера, причем при таком условии, чтобы не нарушить основной конструктивный принцип диаграммы системы родства кариера как простейшей, а именно: *единство вертикали* линий прямого родства. Предварительно модернизировав схему изображения системы кариера А.Р. Рэдклифф-Брауна, можно наглядно показать, что системы карадьери и аранда являются двумя вариантами «развертки» системы кариера, изоморфными изменению формы предпочтительного брака (рис. 4, 5).

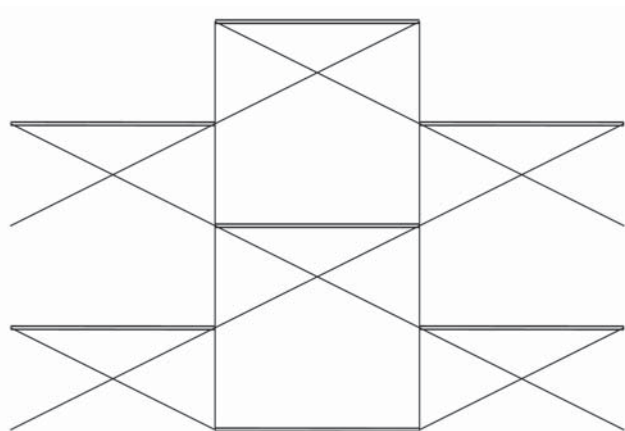

Рис. 4. «Разворачивание» системы кариера в систему аранда

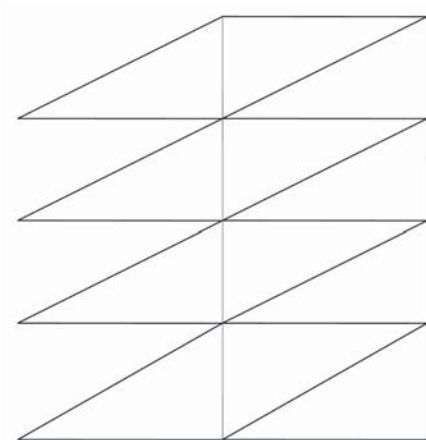

Рис. 5. Разворачивание системы кариера в систему карадьери

Здесь, вероятно, требуется сделать одно пояснение, касающееся кода Ю.И. Левина, достаточно широко используемого в отечественной литературе. Обычно его необходимость обосновывается недопустимостью описания первичных систем терминов родства в терминах вторичных, так как это приводит к искажению содержания первичных и т.п. [Попов 1990: 149]. Но этот аргумент имеет силу только в том случае, если вторичные (европейские) системы характеризуются как описательные. Между тем, С.А. Токарев очень давно, еще в 1929 г., заметил, что европейский тип неверно называть описательным [Токарев 1929: 49]. Это очевидная истина. Европейские термины, не только простые («отец», «мать», «брат», «сестра», «сын», «дочь», «муж», «жена»), но и составные («дед», «бабка», «дядя», «тетка», «внук», «внучка», «двоюродный брат», «двоюродная сестра», «тесть», «теща», «шурин», «золовка»), не являются описательными. Так называемые описательные термины родства, т.е. термины, раскладывающие составные термины на простые, были введены Л.Г. Морганом как термины искусственного языка описания систем родства именно с целью избежать искажения смысла первичных систем родства путем простого перевода с одного языка на другой. В «Древнем обществе» сравнительная таблица терминов родства сенека-ирокезов делится на три колонки, озаглавленные «Наименования родственников», «Ирокезские термины», «Перевод». Пример: сестра моего отца / ah-ga'-huk / моя тетка [Морган 1935: 17–28]. В дальнейшем при заполнении конкретных схем родства предлагается пользоваться модифицированной аббревиатурой английских терминов, принятой в мировой литературе: FF, ffsr, F, fsr, m, MB, mm, MMB, mmbd, MMBS, d, dd, S, SS, MBS, mbd, fsrd, FSrS, H, w *etc.*

Экспериментируя с диаграммами А.Р. Рэдклифф-Брауна, А.П. Элькина и других авторов (за основу берется система родства типа карьера как простейшая, с минимальным числом элементов), удастся построить схемы, удовлетворяющие данному условию (рис. 6, 7, 8).

Каждая такая схема представляет собой некое подобие кристаллической решетки, узлы которой образуются терминами, лежащими на пересечении прямых (вертикальных) и боковых (диагональных) линий родства. Горизонтальные линии, соответствующие линиям свойства (муж — жена), соединяют вертикальные линии родства и одновременно обозначают собой поколения (родители — дети). В сущности, термины классификационного родства — это ячейки, содержащие в себе несколько категорий родственников и состоящие из двух полей: правого (мужского) и левого (женского). Общее число ячеек зависит от того, сколько линий родства различает данная система. Чем

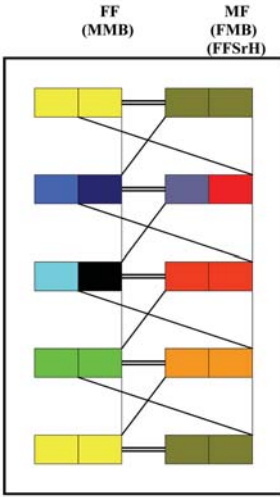

Рис. 6. Тип карьера

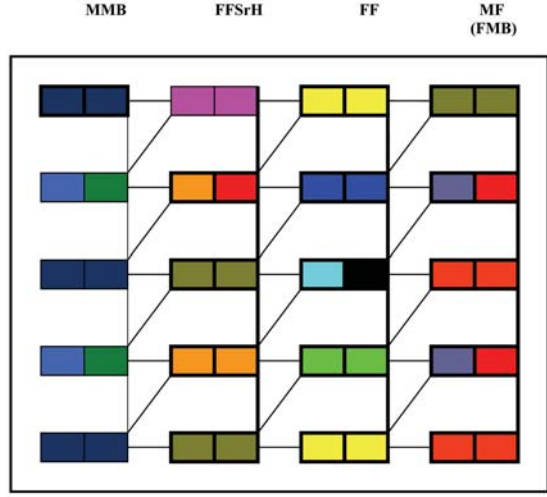

Рис. 7. Тип карьеры

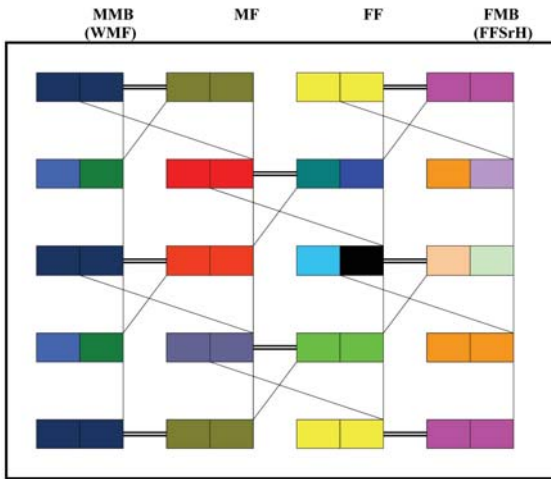

Рис. 8. Система родства аранда

больше число выделяемых линий, тем меньше категорий родства содержится в терминах родства. Различие между конкретными системами родства, принадлежащими к одному типу, состоит во вторичной классификации категорий родства, когда ячейки из разных линий родства и/или разных поколений обозначаются одним термином (существует и третичная классификация терминов родства только по признакам свойств, известная в литературе под наименованием брачных классов).

При графическом анализе (*решении*) конкретных систем родства термины родства следует обозначать или, точнее, заменять

цветом, поскольку нас в данном случае может интересовать не лингвистическая сторона проблемы, но только этнографическая, в отношении структуры родства: слияние/разграничение, тождество/различие значений. Теперь достаточно взглянуть на рисунок, чтобы простым наблюдением решить задачи, неразрешимые в рамках парадигмы «алгебры родства», или просто отбросить их как не имеющие реального смысла. Как нам уже однажды приходилось отмечать, суть дела заключается в том, чтобы правильно *нарисовать* «структуры родства» [Дзибель 2001: 41]. А рисовать можно, только если понять.

В свое время Б. Малиновский писал, что прежде, чем строить «алгебру родства» или решать «головоломки» классификаторских терминологий, необходимо рассмотреть множество проблем содержательного характера в той сфере, которую он именовал социологическими исследованиями [Malinowski 1930: 28]. Основная ошибка современной школы исследователей систем родства, представляемой альманахом «Алгебра родства», заключается в отказе от анализа фактов родства с помощью графических схем и сосредоточении усилий на поисках закономерностей исключительно в сфере терминологии родства. Не имея возможности ставить перед собой чисто лингвистические задачи, исследователи от изучения систем родства, фактически, переходят исключительно к изучению систем терминов родства (как кажется, М.В. Крюков в своих работах эту грань не переходил). Между тем, диаграммы родства, какими бы несовершенными они ни были, являются необходимым связующим звеном между терминами родства и реальными стереотипами поведения. Невозможно понять действие той или иной системы терминов родства вне описания реинкарнационного комплекса, локальной или тотемической организации, ритуальной жизни в целом. Поэтому проблема даже не в том, что представители упомянутой научной школы неправильно решают поставленные задачи, а в том, что они правильно решают неправильно поставленные задачи.

Таким образом, решая чисто формальную проблему неизоморфности существующих диаграмм родства друг другу, мы в конечном счете получаем графические знаковые системы, изоморфные самой реальности классификационного родства. Это не просто способ фиксации, но работающая модель, способная самостоятельно интерпретировать и предсказывать эмпирические факты. Подобно механическим манипуляторам, повторяющим движение человеческой руки, эти схемы повторяют, во всяком случае, достаточно точно имитируют те процессы, которые происходят в головах и в поведении самих абorigенов, когда они решают те или иные задачи родства, встающие перед ними при вычленении брачных, экономических или

властных обязательств по отношению к лицам, с которыми они вступают в контакт в реальной жизни. Изоморфизм или даже гомоморфизм геометрического кода феномену классификационного родства состоит, прежде всего, в том, что первобытный человек представляет родство в пространственных образах принадлежности индивидов к локальным группам, находящимся на различном расстоянии от локальной группы эго. В нашем собственном языке реликтом этого состояния является деление родства на «близкое» и «дальнее».

На представленных схемах вертикальные линии, точнее *стержни* прямого родства, символизируют локальные группы. Выделение двух, трех, четырех самостоятельных линий означает, что для данного типа родства «минимальной работающей структурой» (в терминах Ю.М. Лотмана) является, соответственно, союз двух, трех, четырех локальных групп. Однако данное утверждение не тождественно утверждению о существовании в прошлом или настоящем эндогамных единиц, состоящих из соответствующего ограниченного числа групп. Члены одной и той же локальной группы могут одновременно вступать в брачные отношения с женщинами из различных локальных групп. Речь идет только о том, какое наименьшее число локальных групп должен учитывать эго (или эго «брокер») при выборе брачного партнера.

Табуляция конкретных систем с помощью диаграмм показывает, что три основных типа родства, выделенные на австралийском материале, имеют универсальный характер. Все многообразие классификационных систем родства сводится к трем указанным схемам. (По какой из трех схем «собирать» терминологию родства, принадлежащую той или иной культуре, — вопрос предварительного сбора информации по предпочтительным формам брака, способам слияния/разграничения линий родства и некоторых других факторов прагматического, т.е. мифоритуального плана.) Если приводить в качестве примера наиболее часто упоминаемые в литературе системы, гавайская представляет собой вариант карьера, кроу и омаха — карадери, ирокезская — аранда. Трансформация происходит двумя взаимосвязанными путями: посредством изменения формы предпочтительного брака наложением запретов на все более отдаленные категории родства (переход между тремя типами родства) и посредством увеличения числа линий, или локальных групп, вовлекаемых в круг счета родства при решении брачных задач (переход от более простых к более сложным вариантам внутри одного типа). В последнем случае число терминов родства увеличивается на порядок, что делает систему (счета) родства слишком громоздкой (эффект «цепной реакции»). Вероятно, это объясняет, почему на уровне этнографи-

ческой современности¹ удалось зафиксировать простейший тип, представленный системой родства карьера и ее аналогами в других культурах (гавайцы, древние китайцы). С одной стороны, системы родства этого типа имеют очень короткий «период полураспада», т.е. преобразования в системы типа карьеры или аранды; но, с другой стороны, достигнув известного предела сложности, данная система родства становится слишком неудобной и возвращается к простейшему типу. Поэтому внутри первичной формации взаимные видоизменения систем родства имеют циклический характер.

Табуляция конкретных систем родства также показывает избыточный характер иденологической типологии. Не существуют типы взаимной терминологии родства, генерационно-скошенные или генерационно-скользящие модели, существуют взаимные, скошенные и скользящие термины, которые могут ужиться в одной и той же системе родства, выполняя различные запретительные/разрешительные или коррекционные функции.

Возникновение вторичных систем родства связано с нарушением принципа локальности родства, который является необходимой предпосылкой принципа эквивалентности сиблингов. С этой точки зрения, Л.Г. Морган был абсолютно прав, рассматривая арабскую систему как вариант арийской (английской, европейской, линейной). Наличие в арабской терминологии родства особых терминов, обозначающих различные категории кузенов, не имеет никакого значения для факта разграничения родных братьев и ортокузенов (сыновей брата отца). Другими словами, система родства перестает быть классификационной (классифицирующей) лишь с момента исчезновения принципа локальности (= мифологичности) родства. Разумеется, принцип локальности может проявляться по-разному в различных обществах, стоящих на ступени первичной формации. Поэтому, вероятно, утверждение о линейности систем родства андаманцев, бушменов, эскимосов и др. в будущем придется пересмотреть, во всяком случае, объяснить их аномальность, исходя из принципов классификационного родства.

Само определение вторичных систем родства как относящихся к линейному типу кажется не вполне корректным, во всяком случае не вполне точным, ибо не полностью отражает сущность различия между первичными и вторичными системами. Выше уже подчеркивалось, что относительно первичных систем родства правильнее использовать термин «стержень родства»,

¹ Пользуемся термином Д.Г. Савинова.

но на графике это явление невозможно отобразить иначе как линией. Наглядным различием между первичными и вторичными системами родства выступает то обстоятельство, что структура первичных систем родства позволяет расположить обозначения всех категорий родственников в одной плоскости. Если бы мы попытались применить такой же метод изображения к вторичным системам родства, нам пришлось бы рисовать все новые и новые плоскости, поскольку линии родства расходятся от эго веером, как в сторону восходящих, так и в сторону нисходящих поколений. Это и означает отсутствие единого стержня родства. Кроме того, первичные системы родства отличаются тем, что края схем, их отображающих («карт родства»), можно замкнуть, образовав объемные геометрические фигуры (простейший тип кариера — «плоский» по определению) в виде призм с тремя, четырьмя и более гранями (рис. 9, 10, 11). Отсюда возникает противопоставление первичной и вторичной систем родства как *замкнутой* и *расширяющейся*.

Преимущество пространственного, или геометрического кода в виде указанных выше схем заключается в наглядности связей, с одной стороны, между терминами и структурой родства, с другой стороны, между системами родства различных типов, что, собственно говоря, и составляет предмет исследования этнографии. Для демонстрации действия предлагаемого способа описания, который на практике совпадает с методом анализа, приведем несколько, на наш взгляд, интересных приме-

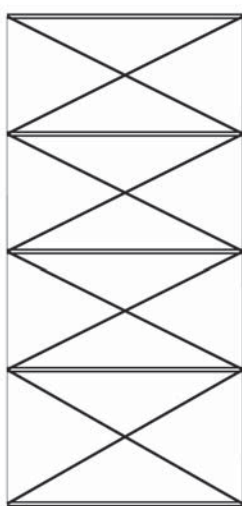

Рис. 9. Тип кариера

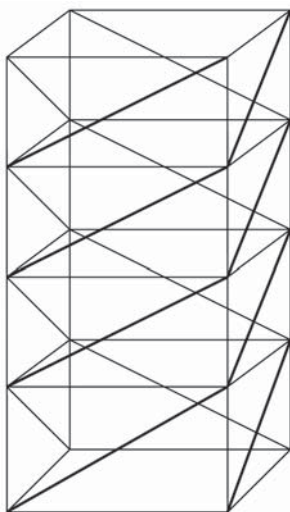

Рис. 10. Тип карадьери

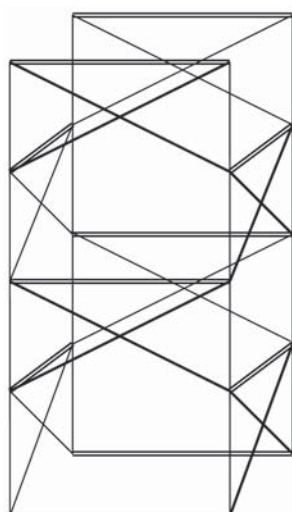

Рис. 11. Тип аранда

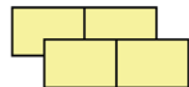
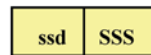
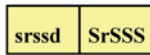
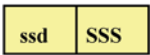
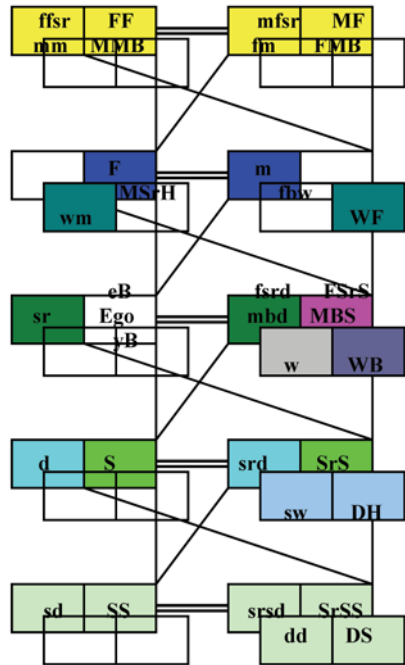
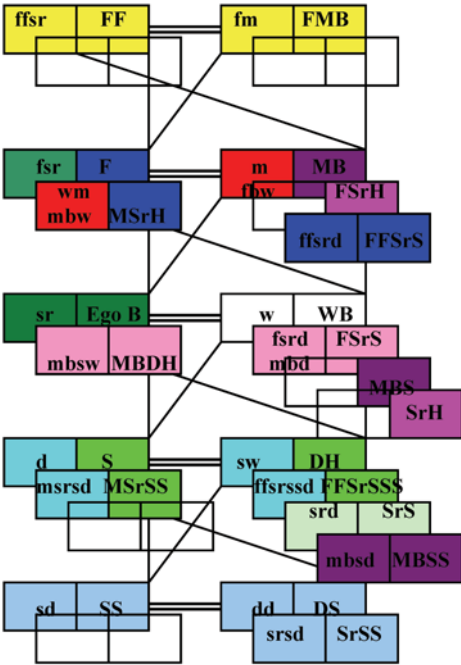

Рис. 14. Тонганская система родства

Рис. 15. Фиджийская система родства

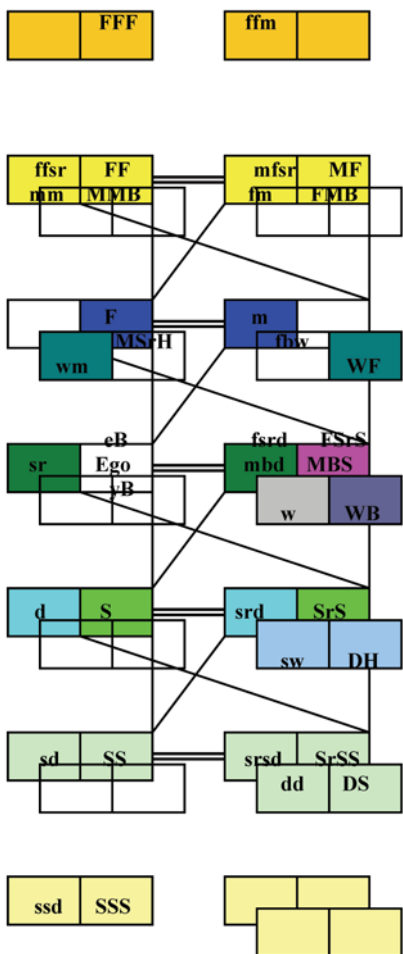

Рис. 16. Таитянская система родства

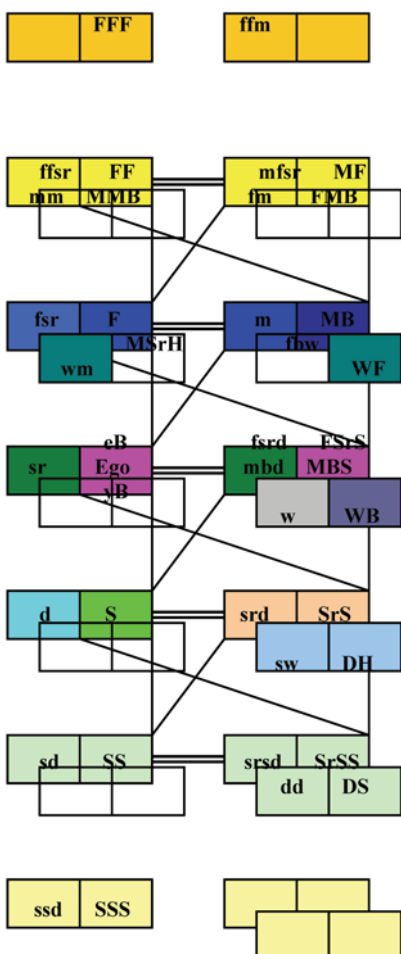

Рис. 17. Система родства футуна

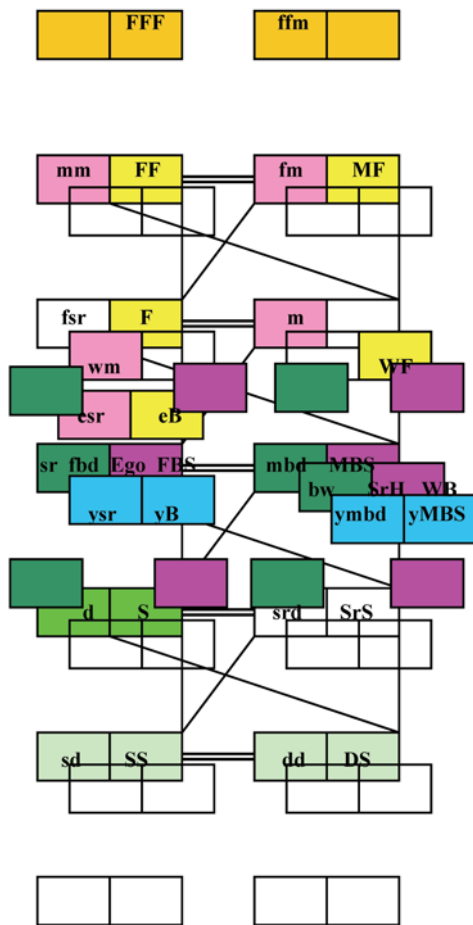

Рис. 18. Самоанская система родства

Библиография

Байбурина А.К. Проблема «фольклор и этнография» сегодня // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра. Материалы междунар. науч. конференции (20–23 марта 2003 г.) / Под ред. Ю.К. Чистова, В.А. Тишкова. СПб.: МАЭ, 2003. Вып. 1. С. 10–17.

Байбурина А.К., Левинтон Г.А. К проблеме «у истоков фольклорных сюжетов и образов» // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Сб. науч. тр. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. С. 229–245.

- Белков П.Л.* Предметная область этнографии: проблема исчезновения // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра. Материалы междунар. науч. конференции (20–23 марта 2003 г.) / Под ред. Ю.К. Чистова, В.А. Тишкова. СПб.: МАЭ, 2003. Вып. 1. С. 17–27.
- Белков П.Л.* Миф и тотем в традиционном обществе аборигенов Австралии. СПб.: Кунсткамера, 2004. 287 с. (Kunstkamera Petropolitana)
- Белков П.Л.* Миф и категории социального пространства // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование историческая динамика. СПб.: МАЭ, 2000а. С. 51–59.
- Белков П.Л.* Мифологическое родство у аборигенов Австралии // Алгебра родства: Родство. Системы Родства. Системы терминов родства. СПб.: МАЭ, 2000б. Вып. 6. С. 207–212.
- Дзибель Г.В.* Феномен родства: Прологомены к иденетической теории. СПб.: МАЭ, 2001. 467 с.
- Крюков М.В.* Система родства китайцев. Эволюция и закономерности. М.: Наука, 1972. 328 с.
- Крюков М.В.* Синхронно-диахронный метод и концепция трансформационной многолинейности систем родства // Алгебра родства: Родство. Системы Родства. Системы терминов родства. Вып. 1. СПб.: МАЭ, 1995. 111–137.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.
- Морган Л.Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Пер. с англ. под ред. М.О. Косвена. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 350 с.
- Попов В.А.* Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках: Проблемы генезиса и стадияльно-формационного развития этнополитических организмов. М.: Наука, 1990. 276 с.
- Токарев С.А.* О системах родства у австралийцев // Этнография. 1929. № 1. С. 23–53.
- Elkin A.P.* Australian Aborigines. Sydney: Angus and Robertson, 1956. 349 p.
- Malinowski B.* Kinship // Man. 1930. Vol. 30. No. 17. P. 19–29.
- Panoff M.* La terminologie de la parent en Polin sie. Essai d'analyse formelle // L'Homme. 1965. T. 5. No. 3, 4. P. 60–87.
- Radcliffe-Brown A.R.* Three Tribes of Western Australia // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1913. Vol. 43. P. 143–194.